

ТЕКСТ. КОНТЕКСТ. ИНТЕРТЕКСТ

УДК 821.161.1-312.6

DOI 10.37386/2305-4077-2026-3-50-62

© М. А. Перепелкин¹*Самарский государственный университет (Самара, Россия)*© К. С. Курдакова²*Самарский государственный университет (Самара, Россия)*

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ В ТВОРЧЕСТВЕ А. Л. ТОЛСТОЙ (БОСТРОМ)

В статье рассматривается объем и трансформация понятия «автобиографический герой» применительно к художественному творчеству А. Л. Толстой (Бостром) 1880-х–1900-х гг. Взявшись конструировать этот образ, писательница как будто бы попробовала работать с хорошо знакомым и давно освоенным литературой материалом, но на деле неожиданно для самой себя вступила в область экспериментов, вызванных изменениями в сознании и в сфере художественного творчества порубежной эпохи. Исследуя три рассказа А. Л. Толстой (Бостром) – «Одинокая», «Рождественский сочельник», «Мопсик» – авторы статьи показывают, как, создавая автобиографического героя, писательница комбинирует его образ из биографий разных реальных личностей, совмещает историческую реальность с вымыслом, пересматривает самое понятие «автобиографического» и т.д. Результатом этих экспериментов становится старый-новый автобиографический герой, знакомый и незнакомый читателю в одно и то же время.

Ключевые слова: А. Л. Толстая (Бостром), автобиографический герой, рассказы 1880-х–1900-х гг., «Одинокая», «Рождественский сочельник», «Мопсик», новые формы

Michael A. Perepelkin*Samara University (Samara, Russia)***Xenia S. Kurdakova***Samara University (Samara, Russia)*

¹ Михаил Анатольевич Перепелкин – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью Самарского национального исследовательского университета им. академика С. П. Королева (Самара, Россия). ORCID: 0000-0002-6102-6947. E-mail: mperepelkin@mail.ru.

² Ксения Сергеевна Курдакова – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью Самарского национального исследовательского университета им. академика С. П. Королева (Самара, Россия). ORCID: 0009-0008-3700-2647. E-mail: ksen-kurd21@yandex.ru.

AUTOBIOGRAPHICAL HERO IN THE WORKS OF A. L. TOLSTAYA (BOSTROM)

This article examines the scope and transformation of the concept of “autobiographical hero” as applied to A. L. Tolstaya (Bostrom)’s literary work from the 1880s to the 1900s. In constructing this image, the writer seemed to be attempting to work with familiar and well-established literary material, but in reality, she unexpectedly entered a realm of experimentation prompted by changes in consciousness and artistic creativity during the 19th-century era. By examining three short stories by A. L. Tolstaya (Bostrom) – “Lonely”, “Christmas Eve”, and “Pug” – the authors of this article demonstrate the way the writer creates an autobiographical hero: combining their image from the biographies of various real figures, combining historical reality with fiction, redefining the very concept of “autobiographical”, and so on. The result of these experiments is an old-new autobiographical hero, familiar and yet unfamiliar to the reader at the same time.

Keywords: A. L. Tolstaya (Bostrom), autobiographical hero, short stories of the 1880s–1900s, “Lonely”, “Christmas Eve”, “Pug”, new forms

Введение

Вступившая в литературу в самом начале 1890-х гг., А. Л. Толстая (Бостром) прошла довольно большой и извилистый путь литературных исканий, сомнений, провалов и успехов. Л. А. Соловьева, исследовавшая эволюцию творчества писательницы, выделила в нем два этапа: этап 1880-х гг. с приматом индивидуально-этических идеалов и ценностей в нем, и – этап 1890-х с «социально-этическим приматом» [Соловьева, 2003, с. 6]. Разделяя в целом концепцию исследовательницы, добавим, что переход от одного этапа к другому был связан в основном для нее с поисками нового героя. Этот герой появляется на страницах произведений писательницы уже во второй половине 1880-х гг., но в полную силу заявляет о себе позже, в 1890-е, в рассказах, публиковавшихся как в провинциальной периодике – «Саратовском листке» и «Самарской газете», так и на страницах столичных журналов – «Русское богатство» и «Образование». Этот новый герой, с глубиной постижения характера которого А. Л. Толстая (Бостром) связывала возможный и желаемый успех своей литературной деятельности, не был однородным: здесь и герои-земцы – учителя, врачи, чиновники, и сельские хозяева, и крестьяне, и еще некоторые другие социальные и психологические типы и характеры. Особое место среди рассказов, в которых писательница идет навстречу герою своего времени, занимают автобиографические рассказы, в героях этих рассказов узнаются сама писательница и близкие ей люди.

В этой статье мы рассмотрим три таких рассказа – «Одинокая», «Рождественский сочельник» и «Мопсик». Написанные на протяжении десяти с лишним лет – с 1889-го по 1900-й, они демонстрируют, с одной стороны, принципы введения автобиографического героя на сцену в художественном творчестве писательницы, с другой – эволюцию этих принципов.

Автобиографический герой – понятие, содержание которого как будто бы представляется очевидным и не требующим специальных пояснений и оговорок. Именно таким оно выступает, например, в статьях Е. Е. Гродской об автобиографическом герое А. Григорьева [Гродская, 2006], В. А. Веселовой об автобиографическом герое художественных мемуаров А. И. Герцена [Веселова, 2012], Е. Г. Новокрещенных о лирическом и автобиографическом героях Я. П. Полонского [Новокрещенных, 2023] и некоторых других. Вместе с тем пояснения и оговорки могут быть все же не лишними, и в случае А. Л. Толстой (Бостром) без них не обойтись, так как автобиографический герой в ее творчестве – специфический и требующий особого внимания и подхода, методология которого предполагает совмещение анализа художественных текстов и биографических источников – переписки, дневников, фотоматериалов и т.д.

Рассказ «Одинокая»

Первый рассказ, к анализу которого нам хотелось бы обратиться, – это рассказ «Одинокая», увидевший свет в «Саратовском листке» в марте 1889 года. В центре рассказа находится образ героини, ныне одиноко живущей в Петербурге – без семьи, без близких, без любимых людей. Когда-то она была счастлива и купалась в родительской любви, но позже потеряла мать, возлюбленного, с которым рассталась из-за настояний отца, ныне скончавшегося, а найденного ею подкидыша пришлось отдать родной матери, которой он вовсе не был нужен. Расставшись со всеми, героиня остается совсем одна и в этом одиночестве ждет Рождества, которое вот-вот наступит, но вряд ли что-то поменяет в ее жизни к лучшему.

Рассказ «Одинокая» нельзя назвать автобиографическим в полной мере: автобиографические элементы в образе центральной героини присутствуют только эпизодично, наряду с вымышленными и не имеющими под собой сколько-нибудь явной биографической основы. Скорее всего, в образе героини соединяются черты как минимум трех реальных персонажей – самой А. Л. Толстой (Бостром), ее сестер Марии и особенно Варвары, а также – дочери писательницы Елизаветы Толстой.

Сама А. Л. Толстая (Бостром) иногда жила в Петербурге, где разворачивается действие ее рассказа. Ей было хорошо знакомо чувство одиночества, в том числе – предрождественского. Это было скорее внутреннее одиночество: рождественский сочельник 1882 года писательница, в самом деле, встречала в столице в компании троих старших детей, самой старшей из которых было восемь лет, а самому младшему – чуть больше года. Известно, что, расставшись осенью 1881 года с мужем, графом Н. А. Толстым, графиня Толстая вернулась в семью «не как жена, но как мать», зиму 1881–82 гг. провела в Петербурге с детьми, встречаясь и переписываясь и с мужем, и с любовником, А. А. Бостромом, – и все это время думала, взвешивала, переоценивала, принимала решение, как ей быть дальше. Таким образом, личный опыт, несомненно, отразился в «Одинокой», став первым компонентом образа главной героини.

Кроме самой писательницы прототипами образа героини рассказа «Одинокая» послужили сестры А. Л. Толстой (Бостром) и особенно одна из них, В. Л. Комарова, уехавшая из родительского дома в Петербург и там вышедшая замуж за чиновника министерства иностранных дел Н. А. Комарова. Жизнь сестры писательницы также не была одинокой – ее окружали муж, дети, знакомые, роскошь столичного дома и т.д., но все это, по мнению А. Л. Толстой (Бостром), было слабой заменой родительской любви и домашнего уюта, оставшихся в прошлом и навсегда утраченных В. Л. Комаровой. Писательница была убеждена в том, что Варвара несчастна в браке и бесконечно одинока в семье, среди самых близких, которые ее не любят и не ценят, хотя, возможно, она заблуждалась по поводу сестры. Поэтому в образе героини «Одинокой» запечатлены и черты Варвары – когда-то счастливого, а ныне – несчастного и внутренне одинокого человека, окруженного чужой для него и равнодушной к нему роскошью.

Наконец, несомненно, биографическими являются некоторые художественные решения, сближающие героиню рассказа с дочерью писательницы – Лизой (домашнее имя – Лиля). У девочки куда-то исчезла мать («Была мама, и вдруг ее не стало – она исчезла, как сновидение. Девочке сказали, что она умерла. Она долго, неутешно плакала и все звала свою маму. Потом она вдруг перестала верить в ее смерть» [Бостром, 1889, с. 2]), а отца, разлучившего ее с возлюбленным, она подозревает в исчезновении матери героини: «Миша, Миша!.. Единственное, мимолетное счастье ее жизни. Милый, обольстительный образ. Как могла она допустить тогда, что ее отец... О, отец, отец! <...> Глухой удар, немое проклятие шевелятся в ее сердце. Никогда не любила она отца, но после того ей мерещится какая-то драма... Не он ли погубил ее мать так же, как убил и ее

счастье?» [Бостром, 1889, с. 3]. Уйдя от мужа, бывшая графиня А. Л. Толстая (Бостром) была внутренне убеждена, что это он является главным виновником семейной драмы, стоившей ей болезненной разлуки с детьми.

Синтезируя черты трех реальных прототипов, А. Л. Толстая (Бостром) создает образ героини «Одинокой» – героини, встречающей Рождество в «жилище бедняка» [Бостром, 1889, с. 3], оставшейся один на один с воспоминаниями о детстве и веселье рождественских праздников, о летнем полдне в усадьбе и встрече с возлюбленным, наконец – об исчезновении матери, расставании с любимым и о похоронах отца. «Что же дальше? Для чего она живет? – спрашивала она себя. – Жизнь прошла без цели, без радостей, без пользы для других. Молодость ушла, ушли надежды, а с ними – все то хорошее, что было в ее сердце. Она уже не та. Она одинокая, холодная, старая дева. Жизнь прожита и впереди ждет одинокая старость и никому ненужная, забытая могила» [Бостром, 1889, с. 3]. В финале рассказа героиня рыдает над своей жалкой судьбой, а «внизу на улице шумела праздничная толпа и звуки неслись вверх, но, не достигнув мерзлого окна одинокой комнатки, умирали в вышине темной ночи» [Бостром, 1889, с. 3]. Подчеркнем, что к моменту написания рассказа самой писательнице было 35 лет, ее младшей сестре Варваре – чуть за 30, а дочери Елизавете – 20 лет, так что ни в одном из трех случаев мы не могли бы говорить ни о «холодной, старой деве», ни о прожитой жизни и близкой «одинокой старости». Как видим, писательница, оттолкнувшись от реальной действительности, соединила разных людей в одну фигуру и додумала биографию персонажа. Является ли такой персонаж автобиографическим? В строгом смысле этого слова – нет, но в случае А. Л. Толстой (Бостром) – да, правда, с теми оговорками, которые были сделаны выше.

Рассказ «Рождественский сочельник»

В октябре-ноябре 1892 года на страницах «Самарской газеты» увидел свет другой рассказ А. Л. Толстой (Бостром) – «Рождественский сочельник», также претендующий на автобиографичность и также – требующий ряда оговорок.

Действие рассказа происходит в маленьком домике, находящемся на территории монастыря в течение одного вечера. Сюжет прост: к старику, живущему в доме при монастыре и готовящемуся к пострижению в монахи, в рождественский сочельник приезжает дочь, когда-то горячо любимая родителями, а позже – впавшая в родительскую немилость по причине того, что она сошлась с мужчиной и живет с ним, не венчаясь, вне брака. Теперь героиня обвенчалась

и приехала к отцу, чтобы помириться с ним, при этом «она ищет примирения, как равная с равным»: «Ей хочется попытаться, не могут ли они по-прежнему уважать друг друга, сознавая, что они люди разных лагерей. Что в том, что они мыслят иначе, лишь бы оба мыслили честно, лишь бы жизнь их была неподкупным служением чистому идеалу, а что в том, что идеалы их различны?» [Бостром, 1892, № 237, с. 2]. Отец же не готов к этому: простив ей ее вину, он ждет от нее покаяния и признания того, что она была неправа. Таким образом, так и не состоявшееся перемирие готово вот-вот расстроиться, а отец и дочь – остаться по разные стороны разделившей их пропасти. Но вот тут-то и происходит событие, меняющее траекторию развития всего сюжета, до сих пор бывшего сюжетом мировоззренческого и идеологического противостояния: среди двух противостоящих героев, не согласных менять свои взгляды и идеологические позиции, появляется третий – ребенок, внук старика и сын его дочери. Появление этого героя в корне меняет всю ситуацию в целом: не имеющий отношения к идеологическому противостоянию, ребенок заставляет посмотреть другими глазами на происходящее и мать с дедом, в результате чего примирение между ними все же происходит, и это примирение – на других, не идеологических и не мировоззренческих, а жизненных и религиозных позициях.

Таков сюжет рассказа, с которым познакомился читатель «Самарской газеты» осенью 1892 года, и таковы некоторые обстоятельства непростой семейной истории, о которой автор «Рождественского сочельника» решила рассказать хоть бы в художественной форме. Но есть такие обстоятельства, о которых писательница по разным причинам умолчала или рассказала о них несколько иначе, чем это было в действительности, и вот разговор об этих-то обстоятельствах, с нашей точки зрения, заставляет сегодняшнего читателя заново присмотреться к рассказу, написанному больше 130 лет назад, делая этот рассказ любопытным сразу в нескольких отношениях.

И первое, что должно быть здесь отмечено, – автобиографичность завязки рассказа. Известно, что будущий автор «Рождественского сочельника», в 1881 году уйдя от мужа, графа Н. А. Толстого, жила с любовником, земским служащим А. А. Бостромом, в Николаевске, получала письма от оставленного ею супруга и от родителей, убеждавших ее вернуться в семью, к мужу и детям. Осенью 1881 года такое возвращение в самом деле состоялось, но – ненадолго, только до середины следующего, 1882 года, когда графиня, вновь покинув мужа и детей, вернулась к любовнику, с которым отныне она уже не расстанется до конца своей жизни.

Последнее письмо отца, Л. Б. Тургенева, к дочери было написано в сентябре 1882 года, когда она жила в Николаевске с А. А. Бостромом. В этом письме Л. Б. Тургенев просил дочь о том, что если, пребывая в отчаянии, она не будет знать, что ей делать дальше, то может смело возвращаться в дом, под кровом которого она «всегда будет принята, с каким бы расположением духа не пришла под этот кров»: «Припомни честно, требовали ли мы от тебя выражения покаяния, к нам обращенного, когда считали, что ты нас огорчила или даже оскорбила? Припомни это и смело приезжай к нам, когда ты увидишь, что у тебя нет крова такого, какой желала бы. Не бойся, чтобы мы стали надоедать тебе убеждениями возвратиться в христианство. Нет, и тут мы признаем мощным не человеческое слово, диалектику, его слабую логику, а действие другой силы. Мы тебе не учителя, ты уже совершеннолетняя. Скорбеть о тебе мы вправе, молиться за тебя обязаны, но убеждать не берёмся, признавая эту обязанность за другими, которые на то призваны. Итак, не бойся нас» [письмо Тургенева – Толстой, Перепелкин, 2025, с. 2]). Как видим, автор письма, Л. Б. Тургенев, заявляет о том, что он готов простить оступившуюся – даже понимая и принимая во внимание, что она согрешила, отпала от христианской веры, иначе говоря, – готов к тому, чтобы принять ее грешницей.

Как нам кажется, именно в этом утверждении, оставшемся зафиксированным в письме отца писательницы, и сосредоточена суть будущей завязки рассказа «Рождественский сочельник», герой которого не просто не видит в оступившейся дочери равной себе, но видит в ней грешницу, идущую против самого Бога. Признай героиня это обстоятельство, и отец простил бы ее вместе с ее грехопадением, – но как раз этого героиня признавать и не хочет, и это непризнание, по ее мнению, обеспечивает ей равные права со стариком-отцом.

Теперь второе, и это – десятилетие, отделяющее окончательный уход графини А. Л. Толстой от мужа и последнее же письмо отца к ней, о котором шла речь выше, от встречи и воссоединения отца и дочери. Из биографии А. Л. Толстой известно, что состоявшийся в сентябре 1883 году суд расторг ее брак с графом Н. А. Толстым, оставив ее, как совершившую прелюбодеяние и признанную виновной в расторжении брака, «во всегдашнем безбрачии». Соответственно, выйти замуж за А. А. Бострома бывшая графиня уже никогда не имела права, и их брак всегда оставался незаконным, рождая пересуды и толки среди тех, с кем они встречались и взаимодействовали по тем или иным вопросам и жизненным обстоятельствам. В рассказе же эта ситуация несколько изменена, и автор рассказа, во-первых, умалчивает о том, что героиня ушла от законного мужа к любовнику, а во-вторых, она демонстрирует отцу обручальное кольцо, свидетельствующее о том, что ныне она вступила в законный брак. Подчеркнем, что

кольцо на руке героини – странное и совсем не оправданное решение ни с бытовой, ни с художественной точки зрения, и читатель вправе задуматься над тем, почему, если оно появилось в принципе, оно появилось не сразу, а спустя время? То есть, вина героини состоит в том, что она вышла замуж, послушавшись родителей, а совсем не в том, что живет с мужчиной вне брака? Но в таком случае и грех ее – более частный, горизонтальный, грех послушания, а не грех преступления перед Господом? Писательница не договаривает обо всех обстоятельствах, имевших место в действительности, вынося их за скобки и тем самым делая рассказ чуть менее убедительным и даже в какой-то степени нелепым, но, видимо, по ее мнению, разговор обо всех обстоятельствах разрушил бы довольно компактную целостность сюжета, внося в него детали и частности, которых не под силу охватить сжатой повествовательной форме.

И, наконец, третье – это финал рассказа: появление еще одного героя и неожиданное примирение отца с дочерью, произошедшее благодаря ребенку, вмешавшемуся в действие, которое уже клонилося к завершению. Из биографий А. Л. Толстой и ее близких мы знаем, что примирение писательницы с ее родителями, случившееся почти десять лет спустя после ее ухода от мужа и последовавшего за этим разрыва с родными, произошло в самом начале 1890-х гг. благодаря юному Алексею Толстому, родившемуся в декабре 1882 года. Сохранились несколько писем А. Л. Толстой и Алексея Толстого ее родителям – Л. Б. и Е. А. Тургеневым, а также – ответные письма, написанные в самом начале 1890-х гг. В письме от 31 декабря 1891 года А. Л. Толстая и Алексей Толстой, поздравляя стариков Тургеневых с Новым годом, рассказывали сосновские новости и благодарили их за подарок к новогодним праздникам [См.: Перепелкин, 2025, с. 223]. В февральских письмах дочери и внуку недавно схоронивший жену Л. Б. Тургенев благодарил адресатов своих писем за соболезнования, делал распоряжения насчет некоторых вещей, оставшихся после кончины Е. А. Тургеневой, а также – рассказывал внуку о том, какой была при жизни его покойная бабушка [См.: Перепелкин, 2025, с. 224–226]. Наконец, в апрельских письмах 1893 года Л. Б. Тургенев давал дочери и ее мужу, А. А. Бострому, некоторые хозяйственные советы относительно земледелия и поздравлял их и внука с наступающим праздником Пасхи [См.: Перепелкин, 2025, с. 227–228].

Подчеркнем, что написанный вскоре после возобновления отношений с отцом, рассказ А. Л. Толстой (Бостром) «Рождественский сочельник» не только был написан, но и увидел свет при жизни Л. Б. Тургенева, в чем-то подводя итог недавно состоявшегося примирения, а в чем-то даже и опережая действительность. Известно, что после кончины жены отец писательницы жил

у родственников: «сначала у сестры А. Б. Татариновой, затем в имении Репьёвка, Архангельское тож, принадлежавшем М. Ю. Шишковой, некоторое время в имении брата Михаила Борисовича. В конце июня 1894 года Мария Леонтьевна <Тургенева – М. П.> устроила его в Симбирске в один из монастырских домов, где он и умер 20 июля 1895 года» [Воронцова, 2002, с. 20], после чего был похоронен в селе Архангельское, Репьёвка тож. Таким образом, рисуя встречу со стариком-отцом в рассказе 1892 года, А. Л. Толстая (Бостром) поселила его в доме при монастыре почти на два года раньше, чем это произошло в действительности, – по всей видимости, такой вариант в самом деле обсуждался в семье и был реализован сперва в рассказе, а уже потом – в реальности.

Таким образом, в образе главной героини «Рождественского сочельника», как и в образах других героев рассказа, отчетливо просматриваются биографические и автобиографические черты. При этом ни сам рассказ, ни его герои не могут быть названы безусловно автобиографическими и биографическими: оттолкнувшись от реальных обстоятельств, писательница додумывает, позволяет себе менять детали, не договаривает или меняет мотивировки и т.д. То есть, автобиографизм «Рождественского сочельника» – художественный, подчиненный логике развития образа, а не внехудожественным обстоятельствам верности исторической реальности и подобным. Другими словами, писательница лепит из жизненных обстоятельств то, что ей нужно, меняя в собственной автобиографии отдельные черты и целые сюжеты, и именно таков ее автобиографический герой, живущий по законам развития художественного образа.

Рассказ «Мопсик»

Наконец, в апреле 1900 года на страницах «Самарской газеты» был опубликован рассказ А. Л. Толстой (Бостром) «Мопсик», также автобиографический в своей основе. В центре этого рассказа находится героиня по имени Марья Николаевна. Увидев в газете объявление о том, что разыскиваются «добрые люди», которые могут взять на воспитание ребенка, героиня загорается желанием откликнуться, сообщает об этом мужу, едет по указанному адресу, берет младенца и привозит домой. Название рассказа – «Мопсик» – связано, во-первых, с тем, что до сих пор бездетная героиня занималась преимущественно уходом за домашними питомцами – собаками, так реализуя свое несостоявшееся материнство, а во-вторых, – с тем, что взятый на воспитание младенец также напоминает Марье Николаевне «мопсика», заставляя героиню в одно и то же время смеяться и плакать над этим обстоятельством, и над своей наивной чувствительностью и беззащитностью («Когда час спустя она приехала домой и, войдя в кабинет мужа,

посадила девочку к нему на колени, она сказала, не то смеясь, не то плача: “Смотри, какой мопсик, какой уморительный мопсик. Ну что ж, пускай она заменит мне всех моих мопсиков. И я ее люблю, еще больше за то, что она не хорошенькая”. Муж снисходительно улыбнулся» [Бостром, 1900, с. 3]).

Теперь несколько слов о том, почему данный рассказ – автобиографический. Известно, что в 1899 году А. А. Бостром и А. Л. Толстая, в самом деле, взяли на воспитание девочку – Шуру Первякову. Вот как вспоминала об этом позже она сама: «Как рассказывали мои родители Бостром, родилась я в земской больнице. Мать после родов умерла от водянки. У отца, кроме меня, осталось еще двое детей: сестра Настя 8-ми лет и брат Павел 6-ти лет. Священник, отпевавший маму, был близко знаком с Александрой Леонтьевной. Он рассказал ей о том, что в земской больнице умерла от родов женщина, оставив младенца. На другой день Александра Леонтьевна поехала посмотреть на меня и, желая помочь, наняла кормилицу, которая оставила меня спустя три месяца, – ей нужно было ехать в деревню. Александра Леонтьевна взяла меня к себе. Так я попала в семью Алексея Аполлоновича Бострома. Это был 1899 год» [Воспоминания, с. 1]. А. А. Первякова родилась 4 апреля 1899 года, – стало быть, с лета этого же года она жила в семье А. А. Бострома и А. Л. Толстой, а уже весной следующего, 1900-го, А. Л. Толстая (Бостром) написала и опубликовала рассказ о приеме, взятом в новую семью.

Помимо биографической основы сюжета в рассказе есть и другие черты и признаки, делающие его в глазах читателей «Самарской газеты», где рассказ был опубликован, почти что зарисовкой с натуры. Например, в рассказе упоминалась Солдатская слободка, в самом деле находившаяся на окраине города и известная горожанам как место обитания не самых обеспеченных слоев городского населения, которые и изображены в рассказе. У отца девочки, которую берет на воспитание героиня, кроме младенца, которого он не в силах прокормить, есть еще двое детей – дочь и сын, как это было и в случае семьи Первяковой. Из этого видно, что автор рассказа стремился к тому, чтобы его рассказ был близок к внехудожественной реальности, как бы вытекая из нее и по возможности не противореча ей.

Вместе с тем нельзя не отметить того, что в ряде моментов А. Л. Толстая (Бостром) не просто отклонилась от реальности, а ушла от нее так далеко, что, кажется, между биографической основой и ее художественным изображением нет почти ничего общего. Это касается, например, образа главной героини и ее супруга: в рассказе она представлена взбалмошной и несколько чудаковатой

(«Несмотря на тридцать лет, она была хорошенькая. Детей у ней не было; это сохранило ей свежесть, но образовало большое местечко в ее душе. В виде вознаграждения она любила кошек и маленьких собак. Уродливые собачонки и новорожденные котята возбуждали жалость в ее сердце, не испытывавшей материнского чувства» [Бостром, 1900, с. 2]), а он – степенным и иронизирующим над ее чудачествами («Муж, немного старше ее, красивый, корректный судейский чиновник, отвел от глаз газету, в которой с захватывающим дух интересом читал о последнем столкновении буров с англичанами, и сказал полушутливо, полунасмешливо: “Что такое?”. Увидав в руках жены местную газету, он прибавил насмешливо: “Вероятно, сенсационное известие о том, как конкой прищемило хвост какой-нибудь Амишке”, – и хотел продолжать чтение» [Бостром, 1900, с. 2]). Между тем, хорошо известно, что и сами прообразы героев – А. Л. Толстая и А. А. Бостром, и стиль их отношений друг к другу были иными, а кроме того в их семье воспитывался сын писательницы и пасынок ее гражданского мужа – будущий писатель А. Н. Толстой.

Выводы

Все сказанное выше позволяет сделать ряд выводов относительно автобиографического героя в творчестве А. Л. Толстой (Бостром).

Автобиографический герой А. Л. Толстой (Бостром) – это герой, автобиографичность которого не подчеркивается автором и часто не узнается читателем-современником, становясь явной лишь десятилетия спустя, при сопоставлении художественных текстов с мемуарными и другими источниками.

Создавая автобиографического героя, писательница может комбинировать его образ, соединяя в нем черты разных персонажей. При этом главное, чем она руководствуется, – это не безусловное следование внехудожественной реальности, а требования художественного образа, его полноты и раскрытия.

Автобиографичность героя А. Л. Толстой (Бостром) – переменная величина, которая зависит от многих факторов, и наряду с автобиографическим компонентом писательница свободно вводит в образы своих героев вымышленные элементы, что необходимо учитывать при анализе феномена автобиографического героя в ее творчестве.

Заключение

Автобиографический герой в творчестве А. Л. Толстой (Бостром) – один из героев, которого писательница выводит на литературную сцену в конце 1880-х гг.

и дальше экспериментирует с его образом в продолжении всех 1890-х и в начале 1900-х гг. Это герой, с одной стороны, не новый для литературы, хорошо знакомый с ним и с принципами его создания и функционирования. С другой стороны, именно автобиографический герой оказывается тем героем, который оказывается подвержен наиболее решительному пересмотру и трансформациям на рубеже XIX–XX вв.: меняется человек – другими становятся представления о том, каким может быть его образ в художественной словесности и, в частности, его автобиографический образ. Взявшись конструировать этот образ, писательница во многом неожиданно для самой себя вступила в область экспериментов, из которой вышла с находками, нашедшими себе применение в творчестве ее последователей и в первую очередь – А. Н. Толстого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бостром, А.** Одинокая / А. Бостром // Саратовский листок. – 1889. – 23 марта. – № 65. – С. 2–3.
2. **Бостром, А.** Рождественский сочельник / А. Бостром // Самарская газета. – 1892. – 31 октября. – № 235 (начало). – С. 2; 3 ноября. – № 237 (окончание). – С. 2.
3. **Бостром, А.** Мопсик / А. Бостром // Самарская газета. – 1900. – 9 апреля. – № 78. – С. 2–3.
4. **Веселова, В. А.** Автобиографический герой художественных мемуаров А. И. Герцена и феномен номадизма / В. А. Веселова // Казанская наука. – 2012. – № 1. – С. 178–181.
5. **Воронцова, Г. Н.** Семейная хроника Тургеневых как источник ранних произведений А. Н. Толстого / Г. Н. Воронцова // А. Н. Толстой. Новые материалы и исследования (Ранний А. Н. Толстой и его литературное окружение). – Москва: ИМЛИ РАН, 2002. – С. 15–28.
6. **Воспоминания А. А. Первяковой.** Самарский литературный музей. НВ – 3370.
7. **Гродская, Е. Е.** Автобиографический герой Аполлона Григорьева (поэзия, проза, критика, письма): дис... кандидата филологических наук: Специальность 10.01.01 – Русская литература / Гродская Елена Евгеньевна. – Москва, 2006. – 205 с.
8. **Новокрещенных, Е. Г.** Лирический и автобиографический герои Я. П. Полонского / Е. Г. Новокрещенных // Лингвистика, литературоведение и лингводидактика в поликультурном мире. – Улан-Удэ, 2023. – С. 42–47.

9. **Перепелкин, М. А.** Письма Л. Б. и Е. А. Тургеневых к А. Л. Толстой, А. А. Ботрому и Алексею Толстому / М. А. Перепелкин // Гротовские чтения – 2025: материалы Всероссийской научной конференции (Самара, 20–21 марта 2025 года). – Самара: СОУНБ, 2025. – С. 204–228.

10. **Соловьева, Л. А.** Проза А. Л. Ботром / Л. А. Соловьева // «Третий Толстой» и его семья в русской литературе. – Самара, 2003. – С. 4–11.

REFERENCES

1. **Bostrom, A.** Odinskaya / A. Bostrom // Saratovskiy listok. – 1889. – 23 marta. – № 65. – S. 2–3.

2. **Bostrom, A.** Rozhdestvenskiy sochel'nik / A. Bostrom // Samarskaya gazeta. – 1892. – 31 oktyabrya. – № 235 (nachalo). – S. 2; 3 noyabrya. – № 237 (okonchaniye). – S. 2.

3. **Bostrom, A.** Mopsik / A. Bostrom // Samarskaya gazeta. – 1900. – 9 aprelya. – № 78. – S. 2–3.

4. **Grodskaya, E. E.** Avtobiograficheskiy geroy Apollona Grigor'yeva (poeziya, proza, kritika, pis'ma): dis... kandidata filologicheskikh nauk: Spetsial'nost' 10.01.01 – Russkaya literatura / Grodskaya Yelena Yevgen'yevna. – Moskva, 2006. – 205 s.

5. **Novokreshchennykh, E. G.** Liricheskiy i avtobiograficheskiy geroi Ya. P. Polonskogo / E. G. Novokreshchennykh // Lingvistika, literaturovedeniye i lingvodidaktika v polikul'turnom mire. – Ulan-Ude, 2023. – S. 42–47.

6. **Perepelkin, M. A.** Pis'ma L. B. i E. A. Turgenyevykh k A. L. Tolstoy, A. A. Bostromu i Alekseyu Tolstomu / M. A. Perepelkin // Grotovskiye chteniya – 2025: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (Samara, 20–21 marta 2025 goda). – Samara: SOUNB, 2025. – S. 204–228.

7. **Solov'yeva, L. A.** Proza A. L. Bostrom / L. A. Solov'yeva // «Tretiy Tolstoy» i yego sem'ya v russkoy literature. – Samara, 2003. – S. 4–11.

8. **Veselova, V. A.** Avtobiograficheskiy geroy khudozhestvennykh memuarov A. I. Gertsena i fenomen nomadizma / V. A. Veselova // Kazanskaya nauka. – 2012. – № 1. – S. 178–181.

9. **Vorontsova, G. N.** Semeynaya khronika Turgenyevykh kak istochnik rannikh proizvedeniy A. N. Tolstogo / G. N. Vorontsova // A. N. Tolstoy. Novyye materialy i issledovaniya (Ranniy A. N. Tolstoy i yego literaturnoye okruzheniye). – Moskva: IMLI RAN, 2002. – S. 15–28.

10. **Vospominaniya A. A. Pervyakovoy.** Samarskiy literaturnyy muzey. NV – 3370.

Статья поступила в редакцию 27.01.2026 г.